

 Андрей
Аствацатуров
Не кормите и не трогайте
пеликанов

Андрей Аствацатуров

Не кормите и не трогайте
пеликанов

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Художественное оформление Андрея Бондаренко

На переплете иллюстрация Юлии Гуковой (передняя сторона)
и фото автора Екатерины Ожигановой (задняя сторона)

Аствацатуров, Андрей Алексеевич.

А91 Не кормите и не трогайте пеликанов : роман / Андрей Аствацатуров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 350, [2] с. — (Интеллигент Аствацатуров).

ISBN 978-5-17-115164-5

В новом романе Андрея Аствацатурова всё тот же герой. Городской невротик, преподаватель литературы, не слишком удачливый в любви, уже знакомый нам по книгам “Люди в голом”, “Скунскамера” и “Осень в карманах”, приезжает в Лондон, где его втягивают в комичную детективную интригу.

“Мир абсурден, странен, иррационален, анекдотичен, как и существа, его населяющие. Все мы — немного пеликаны, красивые в полете наших фантазий, и смешные на земле” (*Андрей Аствацатуров*).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115164-5

© Аствацатуров А.А.
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© Ожиганова Е.А., фото
© ООО “Издательство АСТ”

Оглавление

ГЛАВА 1. <i>Сент-Джеймский парк</i>	11
ГЛАВА 2. <i>Мертвые опаснее живых</i>	33
ГЛАВА 3. <i>Чемоданчик</i>	81
ГЛАВА 4. <i>Олимп</i>	177
ГЛАВА 5. <i>“Едет маленький автобус...”</i>	323

*Моим дорогим друзьям:
Герману Садулаеву и Михаилу Елизарову*

Автор выражает глубокую признательность
Любе Шведовой, Валерию Айрапетяну, Анастасии Белик,
Ольге Войцеховской, Стефании Чикановой,
Галине Антонец, Вере Аствацатуровой и Анатолию Поливка
за помощь и ценные советы

Г Л А В А 1

Сент- Джеймсский парк

— Здесь, наверное, красиво, — произносит Катя и тянется ко мне губами. В ее голосе я различаю тревогу. Всю дорогу от метро “Чаринг-Кросс” она молчала. — И ветра нет. А ты, кстати, молодец.

Интересно, а почему я сейчас “молодец”? Потому что привел ее сюда, где “наверное, красиво” и “нет ветра”, или все-таки потому, что с утра позанимался с ней любовью? Лучше не уточнять. Себе дороже. Еще психанет, разорется, как обычно. Я отвечаю коротким поцелуем.

Мы познакомились в Париже пять, а может, шесть лет назад, я точно не помню, за эти годы произошло так много всего... Она прилетела из Москвы в Париж на неделю спеть в каком-то закрытом местном клубе для русских богачей. А я оказался там случайно — приехал на культурный форум делать доклад с фило-

софом-постмодернистом Погребняком. Еще из знакомых там был наш друг, художник Лёня Гвоздев.

Помню, мы вчетвером страшно напились в ресторане, в Клиши, и Гвоздев все бубнил, что хочет прямо сейчас написать Катю голой, верхом на пятиглавом змии.

— Ты, дурак, жену свою сначала нарисуй... — смеялась Катя.

Гвоздев в ответ только морщился.

— Материала там, Катюха, мало, материала... — повторял он поплывшим голосом. — Пойми ты! Мне материал нужен...

Несколько минут назад мы свернули с Уайтхолла, быстро прошли под арку, мимо королевских гвардейцев, парадно гарцующих в своих красных мундирах, мимо понурых хасидов, задумавшихся возле лотка с уцененными сувенирами, мимо двух панков, кажется, разнополых, разукрашенных по моде восьмидесятых, потом пересекли пустой плац, по которому потерянно, как бездомные собаки, бродили тощие туристы-азиаты, и, наконец, зайдя в парк, встали у огромной зеленой карты.

— Главное сейчас — чтобы дождь не начался, — глубокомысленно говорю я и сразу чувствую неловкость. — Все-таки, знаешь, зима.

— Не начнется, — улыбается Катя и показывает на карту. — Смотри, вот мы где.

Она прижимается ко мне, и я уже в который раз чувствую под этим красным коротким пальто, по парижской моде ловко перехваченным узким поясом, тяжесть ее теплого, сильного тела.

Узкая асфальтированная дорожка, вся в каменной крошке, аккуратно огибает нагромождение клумб и выводит нас к вытянутому водоему. Берега огорожены металлическим заборчиком, вода мутная, чуть зеленоватого цвета. Прямо посреди водоема взлетает вверх фонтан — ветер в разные стороны разносит капли, брызгая на птиц, пригревшихся у берега. А тут и в самом деле очень красиво.

— Слушай, а как этот парк называется?

— Сент-Джеймский...

— Ну, да... точно... А раньше что тут было? Давай присядем, люблю смотреть на воду.

Катя тянет меня к деревянной скамейке.

— Раньше? Катя, пусть, — я пытаюсь сосредоточиться. — Раньше тут вроде был канал, длинный канал, очень длинный. Вот...

Мы садимся на скамейку, начинаем разглядывать воду, подернутую рябью, низкое небо, затянутое облаками, и Катя достает сигареты.

— А до этого, — я возвращаюсь к разговору, — тут были болота и текла река. Тайгерн или Тайберн, кажется... Я не помню точно. Убери, пожалуйста, сигареты. Здесь нельзя...

— Оки.

Надо же. С первого раза послушалась. Что это с ней вдруг? Обычно она говорит в таких случаях “а мне похер” или “мне можно”. Странно. Сидит, задумалась о чем-то, меня не слушает. Ладно, пусть сидит... А то очнется — раскричится, нахамит, потом через секунду

целоваться полезет... Какая-то тревога в ней поселилась, как только мы сюда вошли. И парик этот... Зачем ей парик? Но ничего, черный такой, смотрится хорошо с ее красным пальто...

Ровно неделю назад в моей квартире среди ночи раздался звонок. Громкий и резкий. Ночью все звуки кажутся громкими и резкими, а телефонные звонки — особенно. Я вскочил с постели как ошпаренный и схватил трубку: ночные звонки обычно не предвещают ничего хорошего.

— Это ты? — в трубке я услышал Катин голос. Громкий и резкий.

— Да, — я попытался спросонья сосредоточиться. — Катя, ты это... знаешь хоть, который сейчас час?

— Значит, так, — сказала она, проигнорировав мой вопрос. — Послезавтра летишь в Лондон. Понял? Раньше меня там будешь, понял? Я прилечу позже, из Парижа...

Откровенно говоря, я еще не проснулся окончательно и ничего не мог понять. Какой Лондон? Зачем? У меня и денег-то нет ни на какие лондоны.

— Как это “в Лондон”?

— Милый, ну как в Лондон обычно летают? Верхом на крыльях любви, на грифоне, а еще на бочке с порохом, когда тупят. Пожалуйста, не утомляй меня! — Последние слова она произнесла очень сердито.

Я начал понемногу соображать, стал бормотать, что это всё нехстати, и еще что-то совсем маловразумительное, но она меня перебила:

— Времени нет объяснять. Летишь в Лондон — и точка!

Тут я, наконец, собрался с мыслями и сказал, что ей все-таки придется меня выслушать. Во-первых...

— Ты лучше скажи, визу ты сделал, как я тебя просила?

Визу я сделал.

— Отлично... За билетами зайдешь в турфирму на Загородном. Пиши адрес.

Я сказал, что не могу лететь, что у меня работа, статьи...

— Работа подождет! — отрезала Катя. — И статьи — тоже. Отпуск возьмешь, понял? За свой счет, или что там у вас?.. Хочешь, я позвоню твоему, как там у вас называется... декану?

Я подумал, что этого мне как раз не хватало для полного счастья — работу потерять, а вслух сказал, придав голосу равнодушие, что сам разберусь.

— Тогда пиши адрес...

Я спросил, что все-таки случилось, почему такая срочность, а сам про себя решил: это потому, что Гвоздев с ней уже поговорил. Я ведь его попросил — как же это глупо, подумал я в тот момент, — сказать Кате при случае, ненавязчиво, если, конечно, случайно встретит ее в Париже, специально звонить не надо, что я ее люблю, что хотел бы как-то все окончательно расставить на свои места, что готов за ней куда угодно, просто сам не решаюсь... Гвоздев еще тогда сказал, что, мол, “спокуха, хрящ”, и пообещал все устроить “в лучшем виде”. Значит, подумал я, раз она позвонила, Гвоздев все-таки с ней поговорил ...